

Содержание

Введение	5
1. Проблемы изучения	11
2. Анархия в СССР	
Романтики и террористы	25
3. Тинейджеры и индивидуалисты	
Частники и стилиаги	47
Поколение бита и диссиденты	52
«Система» хиппи	55
4. Типа панки	
Моральные паники	67
Фольклор и сленг	73
Культура стеба	78
Кино и СМИ	103
Стиль и мода	109
Татуировка	131
5. Три волны панк-рока	
Первая волна	139
Битнички	145
Вторая волна	149
Панк-дендизм	177
Третья волна	183
6. Искусство и перформанс.	
Творческий эпатаж	193
Некрореализм	195
Альтернативная мода	207
«Новые Дикие»	215
Панк-поэзия	219
Самиздат	223
Оформление релизов и афиш	227
Видео	243
7. Экономика и сквоты	
Пространство «Сделай сам»	249
Вместо эпилога	263

Anarchie ist Helfer der Reaktion und Hungersnot

Schmuckberg
Dez. 18

ВВЕДЕНИЕ

Идеи общества, где государственность была бы заменена самоуправлением, появилась даже не позавчера. И в античности, и в Средние века всегда были те, кто не хотел жить под пятой Бога и рукой Хозяина. Тем не менее как вид особой философии и политической идеи анархизм оформился только в конце XIX века.

Эта идея не имела ни границ, ни государств. Она, как и марксизм, заражала рабочий класс не хуже гриппа: ее жертвами стали французские синдикаты, американские трейд-юнионы и другие профессиональные союзы рабочих, желавших честного обмена своей жизни на деньги. Отдельные кружки идеалистов были готовы отстаивать право человека на неподчинение силой — вплоть до террора и уголовщины — и верили, что тем самым они приближают тот день, в котором старый мир рушился. Тем не менее даже Жозеф Прудон, главный автор базисного для движения тезиса «Анархия — мать порядка» (который на самом деле звучит как «Свобода не дочь, а мать порядка»), называл окончательно упразднившую короля французскую революцию 1848 года «недоношенным ребенком» и был крайне скептично настроен по поводу утверждения идей свободы силой.

Мысль о том, что люди и общество должны дозреть до отказа от диктата государства, что приблизить день триумфа этой мысли можно через «общество ненасилия» и просвещение, легла в основу анархо-пацифизма. На это движение оказали сильное влияние Генри Дэвид Торо и Лев Толстой — писатели, чьи умозаключения брали исток, скорее, в христианской нравственности и личном опыте, а не в политической грамотности.

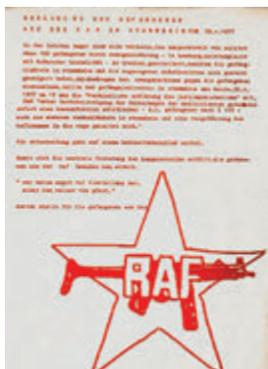
Еще один пример альтернативы «классическому» анархизму Кропоткина с его идеями социальной революции и развязанному иллегалистами антибуржуазному террору — благодаря которому слова «анархист» и «налетчик» стали синонимами в газетах конца Прекрасной эпохи. Анархист-просветитель Элизе Реклю, терроризировавший окружающих энциклопедическими знаниями и многотомным сборником географических заметок «Земля и люди». Впрочем, сам Кропоткин также открыто и не раз выражал свое недоверие кампаниям террора и насилия. «Редкие и случайные убийства и грабежи, — настаивал он, — произведут куда меньшее воздействие на существующий порядок вещей по сравнению с захватом политической власти; индивидуальным «эксам» [экспроприациям] не должно быть места в широкой революции масс, цель которой не алчное перераспределение богатств от одной группы к другой, а полное уничтожение частной собственности как таковой».

Ангел защищает солдат
и гражданских
от большевика,
приравненного
к анархисту, 1918 г.
Текст: Большевик
приносит войну,
безработицу и голод.
Ассоциация по борьбе
с большевизмом.
Художник Вальтер
Шнакенберг.
Источник: Библиотека
Конгресса США

В то время как революционное насилие похоронило все русские ответвления анархизма, западный социализм и анархизм же пережили новый расцвет в 1920-х. В 1927 году Франц Оппенгеймер вместо наивного русского «безвластничества» предложил теорию более прагматичной европейской акратии (безвластия). В ее рамках отмена политического классового общества предполагает его экономическое преодоление.

В середине XX века анархизм развился в идеи самопринадлежности и анархо-капитализма, близкие к анархо-индивидуализму. Термины «анархо-капитализм» и «анархизм частной собственности» впервые в 1949 году обозначил Мюррей Ротбард. Мюррей отстаивал рыночную свободу, а также принцип доминирования закона над политикой и ратовал за отмену государства как института агрессивного принуждения, сформулировав основные тезисы современного либертарианства; но не он первый так тесно связал свои принципы с самим именем свободы. Еще в конце XIX века французские анархисты и анархо-коммунисты любили называть себя либертариями.

После окончания Второй мировой войны на смену террористам-одиночкам пришли локальные сообщества и целые организации. «Золотой век» воинствующего анархизма кончился. Колонны анархо-синдикалистов из Барселоны, пришедшие под руководством Буэнавентуры Дурутти на помощь осажденному Мадриду, промаршировали напрямик в историю, забрав с собой последних из махновского Гуляй-поля. Терроризм стал методом левых радикалов марксистского толка. Южноамериканских партизанов Тупамарос, чей опыт переняли последователи в Германии, RAF (Rote Armee Fraktion, «Фракция Красной армии»), группировка, названная в честь революционных армий СССР, Китая и Кубы. «Красных бригад» Италии, насчитывавших до 25 000 участников. Причастные к взрывам государственных зданий, убийствам политиков, охоте на неонацистов и взятию заложников, «Бригады», по сути, продолжали дело анархистов конца XIX века. Только теперь шедшая вплоть до 1980-х партизанская война против буржуазии и прокапиталистического государственного аппарата велась уже во имя совершенно других идей.

▲▲▲ Логотип «Красных бригад», 1970-е гг.

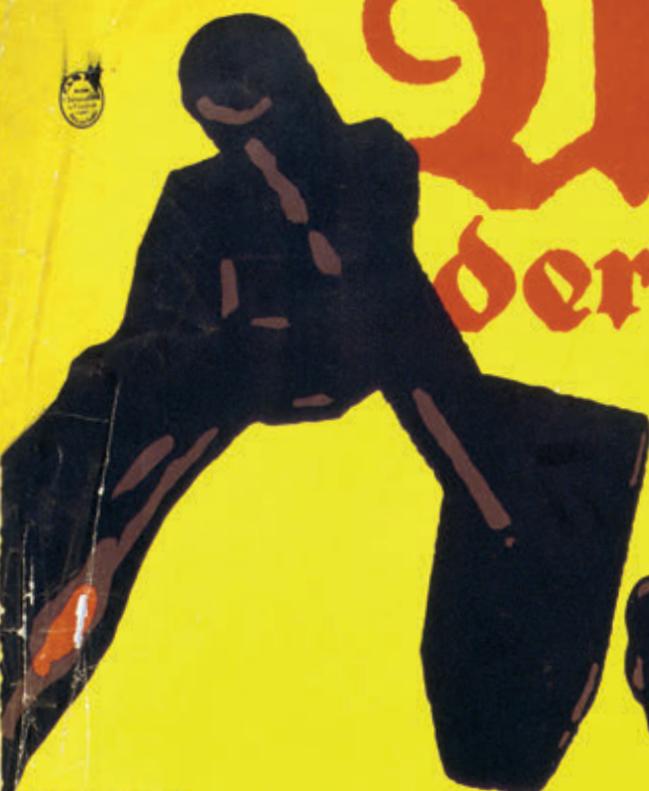
▲▲ Продуктовые карточки с изображением Дурутти, Испания, 1930-е гг. Из коллекции Миши Бастера

▲ Листовка RAF, 1970-е гг.

► Антинархистский плакат, 1919 г. Текст: Работа — защита от анархии. Художник Сигизмунд Суходольский. Источник: Библиотека Конгресса США

А миролюбивые противники диктата государства сосредоточились на попытках создать новое, бесконфликтное общество под флагом пацифизма и индивидуализма. Его основой должен был стать приоритет личности мелких собственников, частных лиц, вступивших во взаимный договор по вопросам самоуправления без участия го-

Arbeit der Schutz gegen

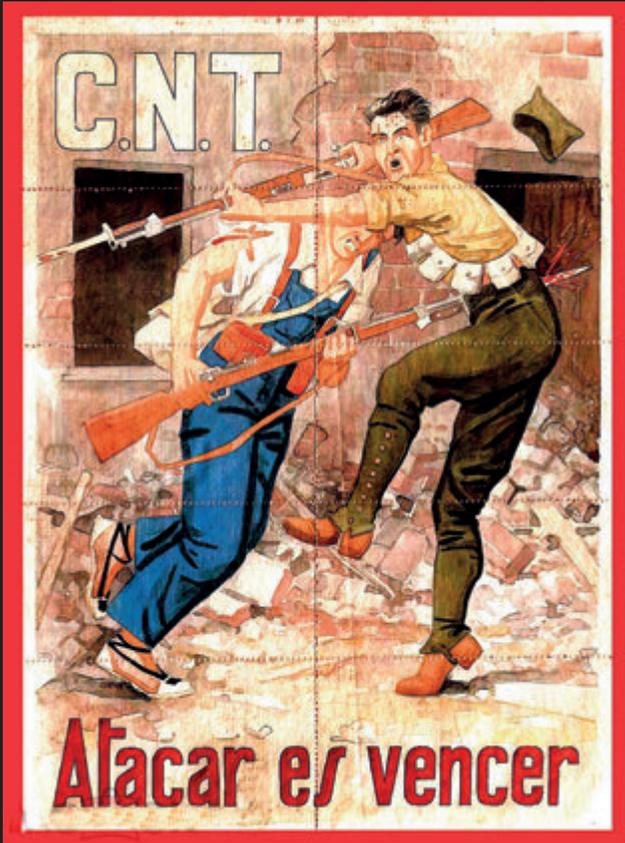
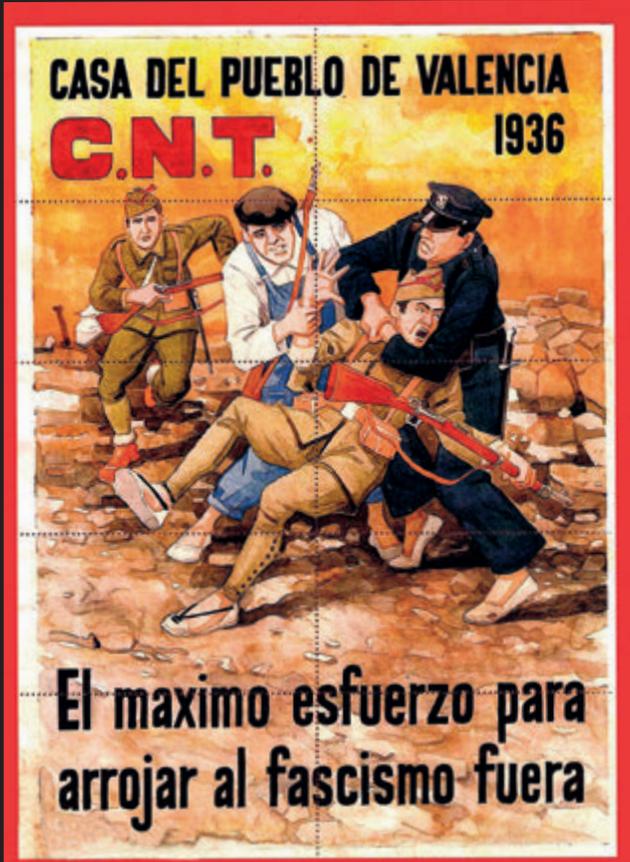
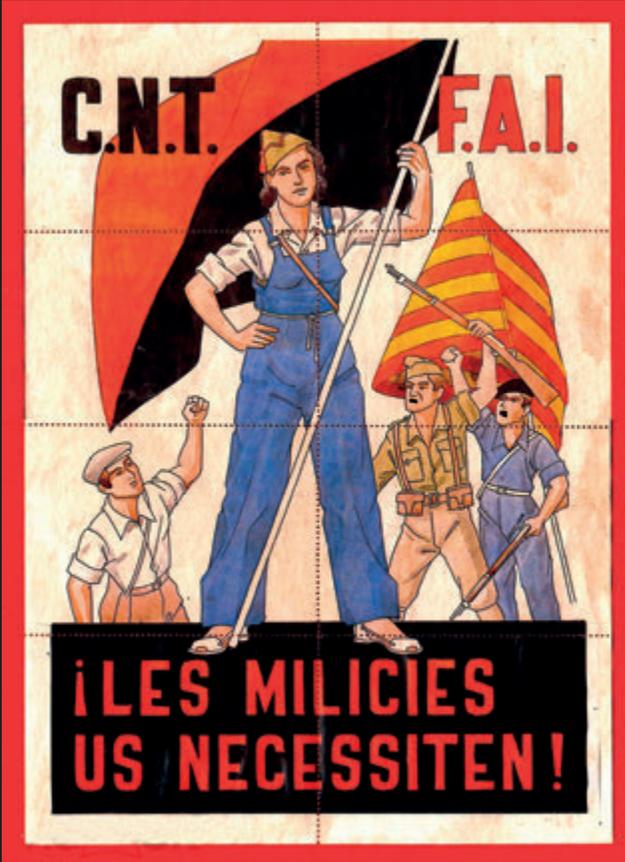

SIEGM.
v. SUCHO-
DOLSKI

Anarchie!

GRAF.
CONFER
MÜNCHEN
1918

сударственных органов. Их миролюбивость и ненасилие имеет мало общего с медитативным неучастием хиппи, этим бегством от цивилизации и отстранением от общественной жизни. Впервые тезисы «нового пацифизма» озвучили участники анархопанк-группы Crass в конце 1970-х: «Между анархией и пацифизмом нет противоречий. Пацифизм — это не пассивность, для нас он означает глубокое изменение восприятия жизни. Мысль о том, что пацифизм — это пассивность, так же наивна, как и мысль о том, что анархия — это хаос».

В 1970-х – начале 1980-х на периферии западной социально-экономической системы появилось множество творческих молодежных сообществ. Сформировалась целая культура, главным лозунгом которой стала фраза Do It Yourself, «Сделай это сам» — чем не альтернатива развитому капитализму, эпохе всего готового. Эта культура в почти неизменном виде жива и сейчас — несмотря на то, что мир рок-бунтарства, грандиозных музыкальных фестивалей и сквоттерско-коммунальной жизни давно кажется страницами, которые история перевернула. Базовый принцип этой инфракультуры тот же, что и в сыроватых идеях индивидуалистического анархизма Макса Штирнера — право свободно распоряжаться самим собой.

Основные пункты этой позиции поразительны в своей незамутненности:

- 1) человеческая личность не должна находиться в зависимости от общества
- 2) результат взаимодействия отдельных индивидов между собой никогда не будет политической утопией, но реальная социальная справедливость достижима
- 3) все теории, описывающие, как люди могут работать вместе, должны пройти испытание практикой

Анархо-индивидуализм превозносит личный опыт человека и самостоятельное исследование и познание мира; для этого не требуется быть маргиналом и ходить по лезвию ножа и битым шприцам. Достаточно иметь представление об опыте предшественников и близких, а также сформулировать свои ценности. И быть чем-то полезным. Создать продукт, который благодаря своему обмену на денежные или иные ресурсы, то есть примитивному извлечению прибыли, будет поддерживать относительно независимое существование сообществ, в которых находится индивид.

Но прежде, чем погрузиться в пока что еще малоотрефлексированную историю советского панка и других проявлений индивидуализма в СССР, стоит отметить некоторые проблемы изучения этой темы.

▲
Логотип
анархопанк-группы Crass

▲
Продуктовые карточки
с изображением
анархистов и организаций
CNT и FAI. Испания,
1930-е гг.
Из коллекции
Миши Бастера

КЕФИР
ФРУКТОВЫЙ
2.5% ЖИРНОСТИ

1 ЛИТР
ГОСТ 13277-79

570451/1
1984

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Основная проблема изучения молодежных субкультур, и, в частности, панка — неоднозначность и непонимание уникальных условий, в которых такие явления зарождались и развивались. Исторически сложилось, что панк-сообщество — это в первую очередь музыка, но в рамках меломанского культа развивались также изобразительно-оформительское искусство, перформативные жанры, и, конечно, мода и стиль.

Моду можно назвать панковским манифестом как таковым — субкультурным кодом, опирающимся как на первичный англо-американский эпатаж, так и на локальные проявления. Панк-движение, образовавшееся на стыке разных культур и вобравшее в себя множество разных деталей, стало тем, чем в свое время был шестидесятнический «свинг» — контркультурной позой и шиком. Панк как международное явление, ставшее своего рода синдикатом по выпуску музыки, на данный момент изучен почти всесторонне. Если не считать его проявлений в Советском Союзе — и на то есть причины.

После многолетних наблюдений за различными попытками разобраться в этой теме мне хочется отметить одну важную вещь. Иностранцы исследователи советских субкультур (а также российские, родившиеся

Леша Уксус. Москва,
1988 г.
Фото Игоря Мухина

в 1980-х и позже) считают, что панки обязаны придерживаться либеральных или левых позиций, поддерживать антифашизм, ЛГБТ, экологический активизм и феминизм. Но это не работает в случае контингента, отличительной особенностью которого было разочарование в советской версии социализма, тем более что оно усиливалось гонениями на меломанов начала 1980-х. В 1970-х годах шло активное освоение северных и дальневосточных территорий СССР, строились железные дороги и города, поэтому административную систему беспокоил отток молодежи из ВЛКСМ: ряды строителей коммунизма таяли, альтернативные советскому государству и «неформальные» сообщества росли. Так что в 1982 году для мониторинга неформальных молодежных организаций был создан специальный 13-й отдел 5-го управления КГБ, который активно использовал в своих отчетах термины «панк» и «поклонники панка». Началась кампания, в ходе которой патрулировались «злачные места», кинотеатры и центральные улицы крупных городов. В 1984 году появился список запрещенных групп. Пресса и органы надзора присваивали молодежным тусовкам ярлыки «фашистов», а «гопники», люмпен-пролетариат, называли панков «петухами» за крашенные волосы и ирокезы.

Рок-эстрада развивалась в декларативно-социалистической среде, а зарубежные гастролеры и пресса шли в массе своей по зарубежным, левацким коминтерновским каналам связи. Несмотря на это, в воздухе — и не только в андеграундной среде — витали антикоммунистические настроения. Раздражение вызывала не столько господствующая идеология, которая принудительно навязывалась со школы, но то, как идеи общества светлого будущего и равных возможностей реализовывались в советской действительности. Сама эта действительность казалась вечной: даже в середине 1980-х никто и подумать не мог о возможном распаде СССР.

Так, после активного мониторинга и двухлетнего пресса милицией, организованными бригадами крепких парней-люберов и комсомольскими патрулями, системе стало ясно, что объекты панковской ненависти — это советское мещанство, социальная несправедливость и бюрократия, а не главенствующая идеология. И тогда чудесным образом панк по команде сверху моментально превратился из объекта демонизации в чуть ли не самый модный тренд советского андеграунда. Образ панка-неформала стал усиленно эксплуатироваться в перестроечной прессе и кино. Взять хотя бы документальный киномимесис 1988 года «Перекресток рока», которым облучали советских граждан, все еще не понимавших, что в стране уже произошли грандиозные перемены. «Панк — это не страшно, но весело», — вот как их успокаивали телеэкраны в 1988 году. Представители панк-сообществ, использовавшие телевизоры как источники дополнительного света — выключив звук

▲
Пионерский салют
от московских панков,
1987 г. Фото Гарри Асса

▼
Битнички в Ленинграде,
1984 г. Фото Александр
Бойко

и поставив вместе с говорящими дикторами на бок, — этого сообщения, конечно, не увидели. Но в околоконцертной среде того периода ходило параллельное, весьма саркастичное мнение о том, что всем панкам в стране наконец разрешили называться панками, пополнять «рок-комсомол» и оплачивать взносы на содержание концертных площадок. Совсем скоро этот ироничный тезис был подтвержден сначала ослаблением в 1989-м статьи 209 УК СССР (тунеядство), а затем, в 1991 году, и ее упразднением. Кроме того, с 28 июля 1988 года разрешили проводить неофициальные митинги и демонстрации, а поговорка «больше трех не собираться» окончательно стала частью позднесоветского фольклора.

Стоит отметить, что у части западных исследователей отечественных субкультур возникает некоторое разочарование в связи с тем, что в «советском неформалитете» не существовало притеснений по гендерному признаку. Участие девушек в субкультуре представляло собой почти что естественный путь: женскую эмансипацию в ключе беспечного тинейджерского идиотизма. Соотношение девушек и парней в панке и других рокерских субкультурах было 2/10. Это не считая участниц других, менее радикальных субкультурных «племен» (стиляги, нью-вейверы) и «обычных» девушек, которых манил «запретный» стиль. Эти немногочисленные девушки, которые ничего не слышали об идеях западного феминизма, могли по умолчанию рассчитывать в тусовке на равноправие и дополнительную порцию уважения — просто потому что сам статус «пацанки» уже был экстремальным. Если это вообще приходило в голову посреди угара и куража — все же это был период, когда женское население стало резко раскрепощаться. Причем «не без перегибов на местах», если выразаться шершавым языком советского плаката. Немногочисленные женские рок-группы и рок-певицы пользовались поддержкой маскулинной части субкультуры, но чистых girl bands было всего пять на весь СССР: ленинградские «Ситуация» и «Экс-Миссия», свердловская «Ева», московская «Женская болезнь» и эстонская Ave Luna. Ценности ЛГБТ-сообществ также не были близки советским панкам. Пусть в уголовном кодексе существовала статья 121 УК РСФСР за мужеложество, а немногочисленные геи присутствовали в «системе» хиппи, но, несмотря на отсутствие внутренней гомофобии, эту борьбу панки не считали своей.

Над выпадавшими из советского социума маргиналами с послевоенных времен висел дамоклов меч прописки и привязки к рабочему месту. Несоблюдение режима обязательного трудоустройства в течение полугода после окончания учебы или увольнения было чревато постановкой на учет и привлечением по статье за тунеядство, что грозило исправительными работами на срок до четырех лет, а в редких случаях и тюремным заключением. Впрочем, из этих жестких условий можно

▲
Тася. Москва, 1987 г.
Фото Ярослава Маева

►
Юля. Москва, 1988 г.
Фото из архива
Юлии Журкиной

